

О критериях эффективности нэпа: от структур к человеку¹

«... Не тот народ имеет будущность, который умеет храбро умирать в битвах, на виселице и на каторге, а тот, который умеет переродиться и вынести реформу» (К.Д. Кавелин)

Сегодня с полным основанием можно констатировать, что отечественная историческая наука накопила некую «критическую массу» исследований по различным аспектам новой экономической политики и развития советского общества в двадцатые годы. Подобное положение настоятельно требует не только подведения историографических итогов (процесс чего начался еще в середине девяностых годов), но и обращения к таким фундаментальным вопросам послереволюционного развития России как: место и роль нэпа в общей цепи советского реформаторства, его реальная эффективность, наличествующий реформаторский потенциал и т.п. Подкупает, как всегда, широта идей и губит их практическое претворение.

При такой постановке исследовательской тематики на первый план выдвигается проблема соотношения понятий «реформа» и «система», ибо только в категориях системности можно вести разговор о сколько-нибудь общественно значимом реформаторстве. При всем многообразии дефиниций первых десятилетий постреволюционной эпохи («реальный социализм», «тоталитарная структура», «советская модель социализма» и т.п.) у подавляющего большинства исследователей не вызывает сомнений существование некой системной целостности данного временного отрезка. Зато не так единодушны современные обществоведы, когда речь идет о более коротком периоде, охватывающем только 20-е годы. При этом мода на историософские рассуждения о деструктивности российской истории XX века, в основе которых лежит признание «реального социализма» тоталитарной

---

¹ *Опубликовано в сокращенном виде: Орлов И.Б. О критериях эффективности нэпа // Россия в XX веке. Реформы и революции / Под общей ред. академика Г.Н. Севостьянова. В 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 101-116.*

антисистемой,¹ скорее затемняет, нежели проясняет картину. Скорее мы имеем дело с неким "законом системности", согласно которому всякая система, получившая известную замкнутость, не поддается частичному реформированию.

Представления же о нэпе как о внесистемном конгломерате фрагментарных и поверхностных мероприятий, не затрагивающих структурные элементы экономики и носящих тактический характер, во многом базируются на широко распространенной и бесспорной точке зрения, согласно которой нэп был вынужденным отступлением и вызывался причинами скорее политического, нежели экономического порядка.² Однако вынужденный характер нэпа отнюдь не выступает оппозицией системности, а, скорее, определяет противоречивость нэповской "модели". Ведь нестабильность среды выступает необходимым условием и неотъемлемым качеством существования любой сложной системы, одним из типов которой является общество. Что касается периода 20-х годов, то крайняя противоречивость этого времени определялась желанием власти реформировать социально-экономические отношения, не затрагивая при этом сложившиеся политические структуры и не отказываясь от доктринальных идей. На практике получалось как в известной басне И.А.Крылова о лебеде, раке и щуке.

В большей степени сторонниками представления нэпа в системном качестве выступают экономисты.³ Тогда как в среде историков системные характеристики нэпа варьируются от чрезмерно оптимистичных оценок последнего как "целостной системы хозяйствования"⁴ или признания нэпа "системой временных мер по ликвидации диспропорций в народном хозяйстве"⁵ до констатации того, что "нэп не был законченной системой хозяйствования".⁶ Подобный разброс мнений во многом обусловлен тем, что в современной научной литературе нэп продолжает рассматриваться прежде всего как экономический феномен, хотя в последнее время в нэповскую формулу все чаще вводят и политическую составляющую. Однако, при выведении новой экономической политики за пределы экономической и

политической сфер, феномен последней предстает как история социума во всем многообразии проявлений общественных связей: в организации производства и жизнедеятельности, механизме власти и управления, социальных аномалиях и т.п. Другими словами, нэп рассматривается как один из этапов трансформации российской локальной цивилизации как целостности, а также в качестве самостоятельной системы, в рамках которой взаимодействуют субъекты исторического процесса.

Становится все более очевидным, что направление и характер хозяйственных перемен зависят не только от гибкости и пластичности самих структур экономики, но и от соотношения и степени активности, организованности и целеустремленности социальных сил, выступающих за преобразование или сохранение существующего строя. Не случайно, соотношение таких категорий, как "народ и организация хозяйства", "народное хозяйство и власть" и т.п., нашло свое отражение в работах экономиста-аграрника, эмигранта Б.Д. Бруцкуса, который четко различал интересы населения и власти. Даже для советского периода истории, признавая влияние политики господствующей партии на развитие хозяйственной жизни, ученый учитывал и элементарные устремления народных масс.⁷

В процессе своего развития социальная система постоянно сталкивается с проблемными ситуациями, выходом из которых могут быть распад системы, реформа или революция. В этом контексте одной из важнейших качественных характеристик нэпа как системной целостности выступает степень радикальности нэповских преобразований. Если в конце 1980-х годов у большинства исследователей не вызывал сомнений радикальный характер экономических реформ периода нэпа,⁸ то к середине следующего десятилетия подобные оценки стали скорее исключением,⁹ нежели правилом. В настоящее время подавляющее большинство исследователей считает нэп лишь частичной экономической реформой, так как все государственные программы этого периода достаточно четко вписываются в общую схему утверждения механизма централизованного управления экономикой. При таком подходе нэп

предстает как "проводимая государством политика сочетания государственного и частного секторов",¹⁰ с той, однако, оговоркой, что с самого начала 1920-х гг. работала триединая формула "допущения, регулирования и вытеснения" частного капитала.

Не вызывает сомнений, что военный коммунизм и нэп отражали определенное внутреннее единство. Каждая из этих стадий продолжала курс на строительство социализма, просто реальное практическое воплощение социалистических идей принимало различные экономические и политические формы. Поэтому все нэповские мероприятия оказались политизированными и идеологизированными: налог - классовым, кредит и снабжение - целевыми, прибыль - "социалистической", аренда - краткосрочной, торговля - обобщественной и частной и т.п.¹¹ Тем не менее, нэповская политика, включая в себя многочисленные элементы нового строя, в значительно большей степени, чем в предыдущие годы, учитывала традиционно-патриархальные основы жизни большинства населения. Происходила сложная борьба различных тенденций общественного развития, причем экономика была всего лишь стержнем, вокруг которого "крутились события". Кроме того, необходимо различать нэп, представления о котором складывались в среде партийного руководства, и нэп, реалии которого весьма сильно отличались от "идеального" видения его.

В рамках отмеченных оппозиций период новой экономической политики следует рассматривать как весьма сложное и противоречивое сочетание реформ и контрреформ в различных сферах жизни советского общества. Последнее обстоятельство, наряду с половинчатостью проводимых мероприятий по принципу "шаг вперед, два шага назад" и в сочетании с первоначальной задумкой нэпа, как ограниченной по времени и специфической по методам программы выхода из тотального кризиса 1920-1921 гг., во многом определили серьезный структурный кризис, ставший неотъемлемой частью нэповской реальности.

Вообще логику нэпа невозможно понять, не учитывая доминирующий фактор партийного руководства различными сферами жизни общества. Интерес сохранения и укрепления правящей элитой новой власти был определяющим на всем протяжении указанного периода, а преобразования заранее ограничивались идеологическими рамками "переходного периода к социализму", в дальнейшем еще более суженными сталинской идеей "строительства социализма в одной стране". Кроме того, времени и возможности для подготовки и проведения глубоких стратегических перемен не оставляла и развернувшаяся острая внутрипартийная борьба. Тогда как по определению известного социолога П.А.Сорокина, чтобы реформа не попирала человеческую природу и не противоречила ее базовым инстинктам, ей должно предшествовать тщательное изучение конкретных социальных условий.¹²

Однако результаты любых реформ зависят не только от рационального их обоснования, но и от того, как складывается жизнь широких слоев населения в процессе проводимых преобразований. Если основываться на тезисе, что высшей ценностью является сама человеческая жизнь, то реконструкция показателя реализации самоценности жизни по СССР показывают, что 1925-1930 гг. были годами наивысшего подъема, а после 1930 г. наступило резкое падение вниз.¹³ Но следует учитывать и то обстоятельство, что реформы неизбежно трансформируют повседневность, вызывая у разных слоев общества чувство катастрофичности, утраты легитимности и идентичности. Нэп не являлся в этом плане исключением. Именно поэтому повседневность, как некое "пятое измерение" (по аналогии с "четырьмя измерениями" в указанной выше статье В.П. Дмитренко) нэпа, выступает главным критерием реформ. А это, в свою очередь, предполагает "тестирование" любой реформы, прежде всего, на малом социальном масштабе. На деле это означает смену исследовательской парадигмы: переход от традиционного описания социально-экономических систем к раскрытию многообразия "моделей" организации общественной жизни.

Следует высказать еще одно важное замечание, которое касается нецелесообразности ставить знак равенства между эффективностью нэпа и причинами отказа от него, которые, несомненно, предельно политизированы и идеологизированы. Если раньше хозяйственные успехи нэпа приукрашались, чтобы подчеркнуть степень готовности страны к "широкомасштабному социалистическому строительству", то в настоящее время, к сожалению, отмечается стремление с точностью до наоборот продемонстрировать полное исчерпание реформаторского потенциала новой экономической политики. При этом старательно обходится тот факт, что исследуются, скорее, предельные возможности экономической политики большевиков или зависимые от нее реальные достижения в сфере экономики, нежели способность отдельных социальных групп и общества в целом адаптироваться к предложенным условиям существования.

Тем не менее, все вышесказанное отнюдь не умаляет значения экономических, политических, идеологических, правовых и иных критериев эффективности функционирования нэповского общества. Более того, социокультурные и ментальные оценки приобретают вполне осязаемый облик именно на фоне социально-экономических и политико-идеологических процессов. Конечно, проще всего констатировать, что дело не в том, что нэп экономически себя исчерпал, а в политико-идеологической заданности руководства страны, не давшего ему возможности нормально развиваться,¹⁴ но вряд ли это прояснит картину экономических возможностей нэпа.

Точно также количественный анализ достижений экономики периода нэпа, взятый в отрыве от задач модернизации страны и представленный вне мировой системы координат, вряд ли может выступать экономическим критерием эффективности хозяйственной системы. На первый взгляд достижения нэпа (по крайней мере по официальным данным) впечатляли. Однако уже в конце двадцатых годов ряд русских ученых-эмигрантов (например, С.Н. Прокопович) высказали сомнения, что в Советской России дореволюционный душевой уровень национального дохода был достигнут в

1928 г. Да и в среде советских экономистов далеко не все соглашались с явно завышенными оценками роста национального дохода в 20-е годы. Так, по расчетам А.Л. Вайнштейна, в 1928 г. реальный объем национального дохода составил не 119% (как утверждала официальная статистика), а только 90% от уровня 1913 г. Эта динамика национального дохода подтверждается современными подсчетами Г. Ханина, П. Грегори, Г. Зотеева и других, согласно которым душевое производство, с учетом роста населения на 5%, сократилось на 15-20%.¹⁵

"Командные высоты" не отвечали возлагаемым на них задачам: к 1928 году производительность труда в промышленности снизилась на 17-23%, но зато увеличилась материалоемкость. Фондоотдача упала на 25% по отношению к основным фондам и, следовательно, резко уменьшилась рентабельность предприятий, которая в конце 20-х годов составляла 10,9%, что было почти на 9% ниже довоенного уровня. Получаемая прибыль была на 20% меньше, чем до войны, а на железнодорожном транспорте даже в 2 раза меньше. Рост основных фондов в промышленности за послереволюционное десятилетие составил не более 10-13%. То есть, в конце 1927 г. СССР все еще находился на начальном этапе индустриализации: в крупной промышленности производилось не более 20-25% национального дохода страны, удельный вес промышленности впервые превысил продукцию сельского хозяйства только в 1930 г., а уровень производства промышленности в расчете на душу населения был в 5-10 раз ниже душевого производства в индустриально-развитых странах.¹⁶

Развитие индустрии, особенно тяжелой, натолкнулось на физическое и моральное устаревание, "проедание" основного капитала, на почти полное отсутствие собственного станкостроения и сложного машиностроения, на энергетический и металлический голод. Кроме того, неуклонный процесс централизации управления перспективными научно-техническими разработками в руках государства, ведомственное обособление научных исследований и идеологические установки, согласно которым рационализация

производства на современной технической основе способствует ухудшению положения трудящихся и росту безработицы, привели к замедлению процесса внедрения новой техники концу двадцатых годов. План ГОЭЛРО в результате многочисленных корректировок из практической программы перспективного научно-технического развития страны все больше превращался в обычный символ будущего благополучия.

Только в 1927 г. капитальные вложения в железнодорожное хозяйство впервые достигли уровня амортизации, но с учетом строительства Туркестанской железной дороги процесс "проедания" старого капитала железных дорог продолжался. Не в лучшем положении находился и речной флот: в 1926-1928 гг. по рекам было перевезено всего 70% от довоенных перевозок. О слабости автотранспорта наглядно свидетельствуют данные о численности автопарка страны и абсолютные показатели развития отрасли. Вполне понятно, что столь слабое и однобокое развитие инфраструктуры рынка не только препятствовало его развитию, но и выступало сдерживающим фактором развертывания индустрии.

Конечно, нельзя утверждать, что советская экономика второй половины 1920-х гг. зашла в тупик. Но при том темпе индустриализации, который советское руководство навязывало экономике, система нэпа была обречена на провал. Следует признать, что в общем и целом достигнутый уровень экономического развития все же стал одним из ведущих факторов отказа от нэпа и складывания в рамках последнего административно-командной системы. Дело в том, что восстановительный процесс воспринимался экономистами - современниками нэпа - в виде "затухающей кривой". Но в 1927 г. объемы довоенного производства были в основном достигнуты, а темп роста не снижался и даже несколько возрос в 1928 и 1929 гг. Здесь и увидели "особые возможности" советского строя. Хотя причина, как убедительно показал В.А. Мау, была в том, что достижение почти 100% объема производства в сравнении в 1913 г. оказалось нетождественным полной загрузке довоенных производственных мощностей. Вовлечение последних в производственный

процесс позволило еще некоторое время сохранять высокие темпы роста, но уже в 1930 г. произошло неизбежное падение темпов.¹⁷

Развитие аграрной сферы в период нэпа было еще более противоречивым. С одной стороны, сельское хозяйство довольно быстро восстанавливалось, но с другой, урожай зерновых и поголовье рабочего скота не достигли довоенного уровня. Более того. Если валовое производство зерна все же приблизилось к довоенному, то товарное составляло всего 20%. При этом отмечалось падение относительно и абсолютно доли народнохозяйственного дохода, получаемой сельскохозяйственным населением, как по сравнению с дореволюционным периодом, так и по отношению к городским жителям. Сохранялся весьма низкий уровень органического строения капитала в сельском хозяйстве: капитал зажиточного крестьянина в СССР составлял не более 800-2000 руб., то есть на порядок меньше чем у американского фермера.¹⁸ Все это стало следствием властной политики второй половины 20-х годов: перераспределением бюджетных средств в пользу промышленности за счет сельского хозяйства, ограничением роста хозяйств выше среднего уровня и т.п. Зажиточным крестьянам повысили сельхозналог, перестали продавать сельхозтехнику и лишали избирательных прав. Это стимулировало рост семейных разделов крупных хозяйств, снижало урожайность и доходность последних. Это повлияло и на основную середняцкую массу, которая вместо накопления средств на крупные производственные расходы стала тратить их на потребление.¹⁹

Можно констатировать, что в годы нэпа не произошло сдвигов в структуре народного хозяйства: хозяйство было восстановлено почти до предвоенного уровня, но пропорции между секторами экономики сохранялись. За несколько лет нэп мобилизовал практически все ресурсы, которые можно было вовлечь в оборот при данной структуре, что привело к невиданным темпам роста экономики в середине 20-х годов. Однако нет серьезных оснований считать, что если бы не сталинский курс на резкое свертывание нэпа, то высокие темпы сохранились бы.

Что касается развития производительных сил советского хозяйства, то уже современниками отмечался факт перекоса в сторону развития крупного государственного хозяйства за счет других хозяйственных форм. Для ряда экономистов двадцатых годов было очевидно, что ни монополия, ни протекционизм сами по себе не способствуют экономическому развитию: они могут выступать как орудием производительного накопления, так и тормозом развития производительных сил.²⁰ Статистические данные свидетельствуют, что до 1927 г. предметы роскоши и непроизводительного потребления занимали довольно большое место в общей сумме ввоза товаров. Особенно неблагоприятно товарообмен с заграницей сказывался на развитии села. Хотя главную массу вывозимых товаров составляли сельхозпродукты, тем не менее сельское хозяйство не получало соответствующего эквивалента ввоза, а импорт средств производства для аграрной сферы стоял на уровне тридцатилетней давности.²¹

Параллельно с завершением восстановительного процесса в экономике нарастает товарный голод. Возникновение и обострение дефицита товаров не на стадии разрушения производительных сил, а на стадии их быстрого подъема означало, что корни проблемы лежали как в специфике хозяйственной системы, так и в особенностях экономической политики. Форсированное развитие отраслей тяжелой индустрии обостряло ситуацию на рынке потребительских товаров и представляло большую опасность в условиях смешанной экономики, так как нарушало нормальные взаимоотношения города и деревни. Попытки побороть товарный голод старыми испытанными мерами административного воздействия - централизованным регулированием распределения ряда продуктов ("планы завоза" по регионам) - давали лишь временный и неоднозначный эффект. На практике свертывание реальных рыночных отношений разрывало целостность народнохозяйственного организма, лишая его необходимой гибкости и подвижности. Товарный голод, выявив внутренние пороки хозяйственной системы, поставил страну в конце 20-х годов перед выбором: углубление нэпа или выход за его рамки?

Функционирование государственного (крупное производство) и негосударственного (мелкое производство) секторов не было органически увязано единым рынком. Завершенная весной 1924 г. денежная реформа застала уже начавший разрушаться рынок, средством чего стало вытеснение частника из товарного оборота, систематическая политика снижения цен, замена рыночного товародвижения "планами завоза" и т.п. Государственное регулирование все больше охватывало процессы заготовки сырья, условия производства и продажи промышленной продукции в общественном, кооперативном и частном секторах экономики. Тем самым были сделаны важные шаги на пути превращения так и не сложившейся "единой экономики" в экономику единственной собственности. Понятно, что такое "дозированное" допущение товарно-денежных отношений мало способствовало формированию единой (с сохранением многоукладности) экономики, объединяющим началом которой должен был выступить "цивилизованный" (в понимании руководства) рынок.

Нельзя не согласиться с теми исследователями, для которых жесткая привязка нэпа к рыночной тенденции конкретно-исторически представляется неверной.²² Нэп в экономике предстает как дуалистическая административно-рыночная система, суть чего скрыта в изначальной "скованности" рыночной тенденции, ее реализации преимущественно в периферийных секторах экономики. Подобный, более взвешенный подход разрушает один из популярных мифов о двух этапах нэпа: якобы сначала шло создание полноценного рыночного механизма, а затем это стремление сменилось линией на уничтожение в нэпе всего рыночного. На самом деле, рыночные механизмы нэпа с самого начала были "инфицированы" вирусами командного управления экономикой. Развитие этих вирусов в благоприятной социально-политической среде и привело к гибели основных элементов нэпа.

Наибольший эффект нэповская политика дала не столько в переходе к рыночной экономике и демонтаже суперцентрализованной, директивной модели "военного коммунизма",²³ сколько в опыте выхода из кризисной

ситуации. Причем обращает на себя внимание тот факт, что выход из острого социально-политического, властного кризиса был найден, прежде всего, на путях социально-экономических преобразований. Однако это же стало одной из причин трансформации антикризисной "модели" в кризисную, в рамках которой кризисы предстают как результат сложного взаимодействия процессов самоорганизации и организации в обществе 20-х годов. Именно на пересечении естественного процесса возрождения рыночных отношений и активного, но малокомпетентного вмешательства партийно-государственного руководства во все сферы жизни общества рождалась вереница кризисов 20-х годов. Находясь на острие внутрипартийной борьбы, проблема кризисов постепенно политизировалась и приобретала яркую идеологическую окраску. В свою очередь, принимаемые меры по преодолению очередного кризиса способствовали дальнейшему сужению нэповских свобод и параллельному формированию административно-карательной системы. Но отсюда вытекает парадоксальный на первый взгляд вывод - нэп можно рассматривать как удачную попытку приспособления государственного сектора экономики к рынку в целях преодоления последнего.

Эмпирический материал показывает, что значение экономических факторов резко повышалось в периоды стихийных экономических кризисов резко повышалось значение экономических факторов, а в более "спокойные" отрезки времени восстанавливался примат политики над экономикой. При этом каждый выход из кризиса сопровождался принятием мер, направленных на усиление роли партийно-государственного аппарата в экономике страны. Это не позволяло сформироваться силам, способным противостоять тотальному огосударствлению.

Вряд ли можно утверждать, что нэп не дал ни одного примера политического отступления и ничего не изменил в политическом и правовом положении народа.²⁴ Скорее дело в том, как эта "либерализация" проводилась: с одной стороны, давались свободы, с другой - они нарушались.²⁵ К этому можно добавить, что нэповский "либерализм" не означал отказа от этатизма и

государственного коллективизма, а лишь удлинял путь к нему. Система с характерным соединением экономической и политической власти в лице государства и наличием квазирынка и квазисобственника закономерно должна была перерасти в "экономику принуждения".

Выше уже отмечалось то обстоятельство, что у партийного руководства отсутствовала разработанная цельная концепция нэпа. При выработке стратегии и тактики новой экономической политики ведущими в партийно-государственном аппарате были настроения реванша. Именно "диктатура партии" являлась непреодолимым препятствием реформирования политической сферы и всей системы общественных отношений. Схема была проста: решения Политбюро превращались СНК, узурпировавшим права ВЦИК, в государственные акты, автоматически одобрявшиеся высшим законодательным органом страны. Подобный "демократический централизм" способствовал формированию уже в двадцатые годы советского политического канона, который зиждился на трех принципах: целостности (или тотальности) политической системы, иерархии и целенаправленности на будущее. Но нельзя не признать и другое обстоятельство: политическим итогом нэпа стало выживание и укрепление большевистского режима, который начал выдвигать на первый план реализацию оказавшихся с переходом к нэпу в тени идеологических задач партии.

Несомненно, что попытка реформирования экономики в 20-е годы противоречила "социалистической" идее правящей партии, что неизбежно вело к ликвидации нэпа. Но с другой стороны, на экономическую политику 1920-х годов влияли, прежде всего, политические соображения удержания и укрепления властной пирамиды, а идеология в этот период отошла на второй план. Хотя она продолжала оказывать существенное давление не только на стратегию, но и на тактику правящей партии. Например, по закону о подоходном налоге от 12 ноября 1922 г. население делилось по социальному признаку на три категории: "А" (трудящиеся по найму), "Б" (трудящиеся не по найму) и "В" (нетрудовой элемент), для каждой из которых определялись

группы с особой твердой ставкой. Помимо основной ставки был установлен и прогрессивный налог по совокупности доходов, также построенный по классовому признаку и взимавшийся, если доход превышал минимум, который для рабочих и служащих составлял 75 рублей в месяц. Законом от 24 сентября 1926 г. был отменен основной подоходный налог и повышена прогрессия ставок - для бывшей категории "В" на 32%. С другой стороны, были увеличены размеры необлагаемого минимума для рабочих и служащих, тогда как для других категорий населения этот минимум был снижен.²⁶

В сельской местности классовый характер землеустройства с апреля 1925 г. определял его организацию, финансирование, содержание и социальную направленность (различные тарифы оплаты землеустроительных работ). Вновь началось преимущественное землеустройство колхозов. Социальная направленность кредита (созданы специальные фонды кредитования бедноты и колхозов) стала преобладающим фактором в работе кредитной кооперации. Крепнущая тенденция к изоляционизму вела к ослаблению внешнеэкономических связей, усилению неконкурентоспособности наших товаров и технологическому застою, не побуждала крестьян к производству товарных трудоемких культур, прежде всего технических.²⁷ А негативные процессы в экономике (рост хозяйственных диспропорций, инфляции и безработицы, перебои в снабжении, спекуляция и коррупция, прекращение конвертируемости рубля в 1926 г. и превышение в 1927 г. импорта над экспортом и т.д.), интерпретируемые с идеологических позиций, как бы подтверждали мнение руководства, что рыночная экономика в России неосуществима.

Складыванию комплекса негативных оценок нэпа способствовало и фактическое отсутствие в нем правовой составляющей. Тогда как культура правосознания и атмосфера доверия являются стратегическими посылками любой реформы и одной из важнейших предпосылок ее эффективности. Сохранившаяся с эпохи военного коммунизма недемократическая избирательная система предусматривала открытые и многоступенчатые

выборы, а также лишение избирательных прав самой экономически активной части общества двадцатых годов - так называемых нэпманов. Сохранялся контроль партийных органов над прокуратурой: назначения и перемещения губернских прокуроров осуществлялось по согласованию с ЦК партии. Оставалась фикцией и свобода слова, дозированием которой занималось организованное в июне 1922 года "министерство правды" - печально знаменитый Главлит. При переходе к нэпу мало изменилось само понятие революционной законности, которую продолжали рассматривать как целесообразный с точки зрения власти правопорядок. В этой связи интенсивную кодификацию первой половины 20-х годов можно рассматривать как попытку восполнить пробелы в законе за счет революционного правосознания. Но эти во многом декоративные законы тонули в море нормативных подзаконных актов.

Например, с введением нэпа начала проводиться достаточно либеральная политика в отношении проживания и передвижения населения: декретом января 1922 г. всем гражданам РСФСР предоставлялось право беспрепятственного передвижения, а декрет "Об удостоверении личности" от 20 июня 1923 г. провозгласил отмену паспортов и других видов на жительство, а также трудовых книжек на территории РСФСР с 1 января 1924 года. Однако уже декретом от 28 апреля 1925 г. "О прописке граждан в городских поселениях" предусматривалась регистрация граждан в домовых книгах и в отделении милиции. Причем при этом требовалось предъявить доказательство своей личности: удостоверение личности, свидетельство о рождении, расчетную книжку, профсоюзный билет и т.п. А в июле 1927 г. был сделан первый шаг в сторону паспортизации, когда очередным декретом "Об удостоверении личности" вводилось единое для всей территории удостоверение, хотя оно пока было необязательным и выдавалось по просьбе граждан.²⁸

Зато сами граждане в атмосфере нагнетания всеобщей подозрительности последних лет нэпа все чаще обращались во властные структуры с

предложениями усиления надзора ОГПУ, введения прописки для дачников и т.п. мер, ограничивающих свободу передвижения.²⁹ Аналогично и анализ динамики психологических установок селян (жалоб, недовольств, позиций в правовых конфликтах), фиксированных законодателем и отраженных нормативными актами позволяет говорить об оформлении к 1928 г. нового стереотипа массового сознания: углубляющейся приверженности жестко централизованному иерархическому принципу руководства хозяйственными процессами на селе и иллюзорному видению благоприятных перспектив "справедливой" экономической линии высшей власти как защитницы от произвола местной бюрократии.³⁰

Одной из главных проблем успешного реформирования является поддержание социальной стабильности. Но нэп, все больше раскачивая экономику, рождал острые социальные проблемы: низкий жизненный уровень большинства населения, городская безработица, жилищный кризис, социальное расслоение деревни и т.д. Низкий уровень жизни способствовал активному вовлечению женщин в процесс производства, что вело к сокращению числа браков, увеличению количества разводов и детей, рожденных вне брака. Несмотря на то, что к концу 1926 г. число сберкасс на 5 тысяч превышало довоенный уровень, по количеству вкладов, вложенных сумм и среднему размеру вклада отставание было значительным.³¹

Близость уровня зарплаты к прожиточному минимуму делала весьма чувствительным влияние на жизненный уровень колебания цен. Стремясь повысить последний, рабочие мобилизовывали все свои ресурсы: количество переработанного рабочего времени в 1922 г. превысило рекордный для военного времени уровень 1916 г. И в дальнейшем все экономические проблемы партийное руководство стремилось решать путем интенсификации труда, что естественно вызывало недовольство многих групп рабочих. Негативные тенденции в области труда были связаны и с тем, что зарплата рабочих легкой и пищевой промышленности росла быстрее, чем у металлистов, химиков и горняков. Но на всем протяжении нэпа рост заработной платы

отставал от роста производительности труда. Вместе со складывающейся государственной системой предоставления социальных благ (жилье, бесплатное медицинское обслуживание, страхование и пр.) это способствовало развитию приспособленчества среди значительных групп населения. Современники отмечали то обстоятельство, что "в настоящее время уже происходит сопротивление не в теории, а в жизни, не со стороны руководящих хозяйственной жизнью кругов, а со стороны заинтересованной массы людей. Около половины городского населения является паразитическим элементом, потому что в хозяйственной жизни без него можно обойтись при современном состоянии производительных сил".³²

Бичом экономических и социальных процессов оставалась во второй половине 20-х годов безработица, которая с 1926 г. снова стала расти, достигнув в апреле 1929 г. 1741 тыс. человек или 13-14% от общего числа работников.³³ Структура безработицы была лакмусом процесса восстановления демографических пропорций в составе занятых кадров промышленности. В 1926 г. безработных в возрасте до 25 лет было 44% от всех безработных, от 25 до 40 лет - 38% и свыше 40 лет - 18%. Причем, более половины городской резервной армии труда составляли женщины. Тогда как "мужская безработица" больше была связана с сельским хозяйством и сферой не наемного труда.³⁴

Но при всем при этом социальная структура населения страны характеризовалась показателями, обычными для малоразвитых аграрно-индустриальных стран: в середине 20-х годов к рабочим относилось всего 10,4% населения, а соотношение городского и сельского населения составляло в этот период 18:82.³⁵ По официальным данным в 1927 г. рабочий класс составил 106% по сравнению с 1913 г., а число рабочих в крупной промышленности достигло довоенного уровня в 2,5 млн. чел.³⁶ Однако качественные характеристики рабочего класса далеко не соответствовали довоенным. Более того, современные исследования наглядно показывают, что в период нэпа социальная характеристика рабочего класса ряда отраслей вступает в противоречие с устоявшимися представлениями о "советском

рабочем классе". Например, исключительная роль женщин в текстильной отрасли, большой процент рабочих - выходцев из крестьян, да и само расположение хлопковых фабрик в сельских районах (до 25% рабочих-текстильщиков имели землю) делает сомнительным то равенство, которое нередко устанавливается между индустриализацией, урбанизацией и пролетаризацией.³⁷ Если при эволюционном характере процесса обычно имеет место подчинение "маргинальных новообразований" соответствующим основным элементам социальной структуры, то совершенно иная ситуация складывается в условиях ускоренного развития.

Несмотря на все меры по восстановлению кадров государственной промышленности, рабочий в среднем оставался на одном предприятии около года, затем он переходил на другое предприятие, нередко - в другую отрасль. Мигрировали рабочие преимущественно в добывающих отраслях (в каменноугольной и железорудной), где не требовалась высокая квалификация. Поэтому восстановление рабочих кадров, особенно квалифицированных, в тяжелой промышленности шло довольно медленно. При большом разном в тарифных ставках на различных предприятиях рабочий ориентировался не на профессиональный рост и более производительный труд, а на поиск такого предприятия, где при той же работе тарифные ставки были бы выше. А это порождало текучесть кадров.

Конечно, противоречия и кризисы присущи любой многоукладной экономике. Но для советского общества двадцатых годов следует говорить о том, что подавляющая масса последних была порождением сложного переплетения социально-экономической реальности с идеократическим режимом "партии-государства". Подобное "пересечения" создавало весьма узкое "поле" правового и рыночного пространства, на котором социально-экономические и политические противоречия не только не разрешались, но и обострялись по принципу "снежного кома". Самим фактом своего существования нэп активно формировал и объединял социальные силы,

которые протестовали против "социалистического эксперимента" в стране с преобладающей традиционной культурой.

С этих позиций вполне применима теория культурного лага (запаздывания), предложенная американским социологом У. Огборном в начале 1920-х гг., согласно которой перемены в экономике и технологии могут значительно опережать изменения в социокультурной сфере. Следует признать, что ликбез не поднял крестьянина на качественно новую ступень и не восполнил тех небывалых потерь в сфере культуры, которые понесла страна. Не лучше обстояло дело и с качеством рабочих кадров, которые в большей степени формировались за счет детей крестьян, принесших с собой на заводы и фабрики деревенские особенности психического склада, в том числе и отношения к труду. Хотя культурные веяния, возникавшие за фабричными воротами, вторгались на фабрики, многое в практике набора, технике обучения и цеховой культуре в целом не менялось.

Подобная ситуация во многом объясняется выводом немецкого социолога Р. Дарендорфа, что процесс изменения менталитета и жизненных стилей может потребовать нескольких поколений. Проблема состояла и в том, что можно было импортировать оборудование и технологии, но "индустриальный менталитет" ни импортировать, ни создать в короткие сроки было нельзя. Реалии нэпа подпитывали негативное отношение к нему, как в высших эшелонах власти, так и в широких массах, которые с влиянием нэпа связывали возвращение к "старым порядкам". Так, прием нового рабочего или получение более высокого разряда сопровождалось, как и в старые времена, выставлением "угощения" мастеру. Пролетаризация аппарата оказалась абсолютно бесполезным делом в борьбе с бюрократизмом. Все началось с распространения на некоторые категории чиновников прав промышленных рабочих, а к концу 20-х годов средний чиновник зарабатывал уже больше, чем квалифицированный рабочий.³⁸ Не случайно в рабочей среде аббревиатура "нэп" расшифровывалась как "новая эксплуатация пролетариата".

Нэп возвратил общество к мозаичной социальной структуре, что не позволяет говорить и об общественном сознании 20-х годов как монолите. Это было обусловлено тем, что массовое сознание воспринимало нэп в основном через призму социальных аномалий, о которых шла речь выше. В данном случае эффективность нэповской "модели", наряду со справедливостью и свободой, выступала определяющим критерием развития общества.³⁹ Усиливающиеся противоречия между партийно-государственным управлением и ожиданиями широких слоев населения подпитывали антинэповские настроения, на которые опиралась сталинская группа в конце 20-х годов, и "разрешились" тем, что нэп, языком И.В.Сталина, "послали к черту".

Можно констатировать, что падение нэпа в значительной степени являлось результатом социально-политической нестабильности: внутрипартийная борьба, личное влияние Сталина, последствия насилия военного времени, большевистская идеология и практика, императивы быстрой индустриализации, опасная международная изоляция СССР в 1927 г. и т.п. Помимо этого можно выделить и ряд социально-экономических факторов: ликвидация помещичьих хозяйств и резкое снижение по сравнению с довоенным временем богатства зажиточных крестьян, сузившие коммерческий сектор сельского хозяйства; массовая безработица; слабые позиции советской экономики на мировом рынке, обусловленные весомой разницей в уровнях производства и технологический разрыв с Западом и т.д.

Просто во всем многообразии факторов, повлиявших на отказ от нэпа, необходимо различать долгосрочные (прежде всего, настроения реванша в партии и острые социальные коллизии) и краткосрочные, обусловленные сложившейся к концу 20-х годов политической конъюнктурой. Идеологизированное отношение руководства страны к нэпу и обусловленная этим хозяйственная практика (особенно второй половины десятилетия) делала ликвидацию нэпа неизбежной. Вопрос был лишь во времени.

Социально-экономическое положение очевидно ухудшилось во второй половине 1927 г. Вследствие обострения международной обстановки,

наученное недавним горьким опытом мировой и Гражданской войн население бросилось закупать впрок товары первой необходимости. В результате резервный фонд промтоваров не "дожил" до осенней хлебозаготовительной кампании, а срыв заготовок хлеба поставил под угрозу снабжение городов и армии. Скачок рыночных хлебных цен в ряде районов привел к тому, что "ножницы" цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию стали раздвигаться в обратную сторону в пользу аграрного сектора, лишая тем самым промышленность важнейшего источника накоплений. На фоне вещания в прессе об "улучшении благосостояния народа" введение в октябре-ноябре 1927 г. в промышленных центрах страны нормированного распределения товаров первой необходимости еще больше озлобляло население.

1927 год стал периодом резкого роста сопротивления рабочих масс "Редкому Случаю Феноменального Сумасшествия России" (возникла и такая расшифровка аббревиатуры РСФСР): в феврале в "колыбели революции" бастовали Трубочный, Балтийский и Патронный заводы, одна за одной проходили рабочие демонстрации с требованиями свободы слова, печати и свободных перевыборов завкомов и советов. "Нам масло надо, а не социализм", - единодушно заявили 6 сентября 1927 г. путиловские рабочие, собравшиеся на кооперативную конференцию. Материальное положение население ухудшалось день ото дня. С мрачным видом рабочие шутили: "Говорят, отменили букву "М" - мяса нет, масла нет, мануфактуры нет, мыла нет, а ради одной фамилии - Микоян - букву "М" оставлять ни к чему". Лозунг "догнать и перегнать" для многих давно превратился в лозунг "дожить и пережить". Где злым шепотком, а где и в открытую рабочие каламбурили по поводу того, что кому дала революция: "Рабочему дала ДОКЛАД, главкам дала ОКЛАД, а женам их дала КЛАД, а крестьянству дала АД".⁴⁰

На фоне усиливающегося недовольства новой экономической политикой набирали силу уравнивательные тенденции. Идя навстречу пожеланиям значительной части (прежде всего малоквалифицированных) рабочих, после длительной дискуссии между ВСНХ и профсоюзами в 1928 г. была проведена

тарифная реформа, которая нивелировала оплату квалифицированного и неквалифицированного труда, резко ограничила приработки, усилила ориентацию на повременную оплату за счет сдельной.⁴¹ Политика обязательных государственных займов означала, что советская власть существует "в долг", тогда как она не обладала достаточным кредитом доверия среди различных слоев населения. Руководители страны утверждали, что население твердо поддерживает Коммунистическую партию и советскую власть, а между тем в середине 20-х годов слежка, по словам начальника Секретного отдела Т.Д. Дерибаса, велась более, чем за двумя миллионами человек.⁴² "Единение" власти и народа, декларируемое официальной печатью, обретало свою плоть только в своеобразной форме поиска внешнего и внутреннего врага.

Главным итогом нэпа, как это не парадоксально звучит, стал отказ от его основных принципов. Однако, это не означает, что у новой экономической политики вообще отсутствовали какие-либо перспективы. Несмотря на административные крайности и кризисы, нэповская система функционировала некоторое время в целом неплохо. Подобное положение соответствовало реалиям восстановительного периода, а жесткий политический режим обеспечивал необходимую для скорейшего восстановления страны политическую стабильность. Однако по мере завершения восстановительного периода нэповская "система" работала со все большими сбоями. Обострялись все присущие ей антагонизмы, так как политический режим был вынужден опираться на чуждую ему экономическую систему. А хозяйствующие субъекты не могли устойчиво развиваться без политической гарантии своей стабильности, тогда как официальный курс по отношению к негосударственному сектору постоянно колебался.

Развитие нэпа предстает как своеобразная сужающаяся "воронка" альтернатив, упущенных возможностей изменить государственный строй. "Сакраментальный" вопрос: когда был упущен последний шанс сохранить и упрочить нэповские начала, можно полагать праздным, если иметь в виду

степень способности власти и общества разрешать назревшие противоречия в изначальных условиях нэповских ограничений.

Тем не менее, все вышесказанное, несмотря на систематизированный порядок изложения материала и кажущуюся predeterminedность выводов, отнюдь не претендует на истину в последней инстанции. Еще рано расставлять все точки над "i" в изучении новой экономической политики. Введение во второй половине 1990-х годов в широкий научный оборот обширного массива документов, как традиционного, так и нетрадиционного (прежде всего личного) характера,⁴³ открывает перед учеными новые ракурсы указанной проблематики. Более того, в своей прирастающей совокупности эти источники поднимают исследования на новый ("реконструктивный") уровень, когда в рамках социальной истории документы эпохи из иллюстративного материала превращаются в фундаментальную базу для воссоздания многослойной и противоречивой реальности.

Примечания:

1. См., например: Лесков Л.В. Катаклизмы в России в свете теории катастроф // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 153,155; Махнач В. Россия в XX столетии (Диагноз историка культуры) // *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания* Т. 1. Россия как предмет. М., 1995. С. 253,287-288.

2. Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // *Нэп: приобретения и потери*. М., 1994. С. 30-35; Метельский Н.Н. X съезд РКП(б): шаг к нэпу или защита военного коммунизма? // *Историческое значение нэпа: Сб. научн. тр.* М., 1990. С. 57-58. и др.

3. См., например: Лелюхина Н.Д. Нэп и его роль в формировании хозяйственного механизма в СССР (за «круглым столом» Института экономики АН СССР) // *Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ (тематический сборник)*. М., 1989. С. 186; *Очерки экономических реформ*. М., 1993. С. 66.

4. Свищев М.А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // *История СССР*. 1989. № 1. С. 4.

5. Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизации. М., 1993. С. 7.

6. Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 26.

7. Цит. по: Роголина Н.Л. Борис Бруцкус - историк народного хозяйства России. М., 1998. С. 49.

8. См.: Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 294; Бородкин Ф.М. Социологические последствия радикальных экономических реформ // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С. 390-394,398; Калинин В.Д. Развитие советской системы управления экономикой // Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ (Темат. сб.). М., 1989. С. 22. и др.

9. Реформы и рынок в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995. С. 108-109.

10. Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. С. 320.

11. Дмитренко В.П. Указ. соч. С. 36-38; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. СПб., 1997. С. 360-361.

12. Цит. по: Тадевосян Э.В. Словарь-справочник по социологии и политологии. М., 1996. С. 202-203.

13. Ахиезер А., Гольц Г. Критические пороги социальных систем // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 53.

14. Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. С. 172.

15. Вайнштейн А. Национальный доход. М., 1989. С. 75; Грегори П., Зотеев Г. Экономический рост. Сравнительный анализ хозяйственных систем (Россия - СССР) // Коммунист. 1991. № 1. С. 73; Ханин Г. Почему и когда погиб нэп: Размышления экономиста // ЭКО. 1989. № 10. С. 70-71.

16. Анчишкин А.И. Темпы пропорций экономического развития. М., 1967. С. 61; Гордон Л., Клопов Э. Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты // Политическое образование. 1988. № 5. С. 23-24; Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. С. 52; Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1978. С. 356,359,399,435.

17. Мау В. Реформы и догмы. 1914-1929. М., 1993. С. 228-229.

18. Горинов М.М. Социально-экономическая ситуация второй половины 20-х годов и проблемы внутрипартийной борьбы // Историческое значение нэпа: Сб. научн. тр. М., 1990. С. 195-197; Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 214-215,218.

19. Голанд Ю.М. Что предшествовало «великому перелому» 1929 года // Политическое образование. 1989. № 8. С. 75-76.

20. Маслов П.П. Основы экономической политики. М.; Л., 1926. С. 1-2,5-8.

21. Архив РАН. Ф. 587. Оп. 1. Д. 16. Л. 16-19.

22. См.: Богомолова Е.В. Указ. соч. С. 8-10,150; Мау В. Первые залпы на плановом фронте. Госплан и Наркомфин в 1922-1925 гг. // Свободная мысль. 1992. № 3. С. 57-59.

23. Шмелев Н. Новое - хорошо забытое старое // Вопросы экономики. 1994. № 4. С. 4-5.

24. Шишкин В.А. Указ. соч. С. 249.

25. См.: рецензию Е.Г. Гимпельсона на указанную выше книгу (Вопросы истории. 1999. № 1. С. 172).

26. Пастухова Н.С. Финансово-кредитная и налоговая политика // Организационные формы и методы государственного регулирования экономики в период новой экономической политики. Сб. обзоров. М., 1992. С. 65-66.

27. Кабанов В.В. Без альтернатив (Пути и бездорожье аграрного развития России: век XX - до коллективизации) // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 96,99.

28. См.: Собрание узаконений и распоряжений. 1922. Ст. 106; 1923. Ст. 575; 1925. Ст. 197; 1927. Ст. 514.

29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 514. Л. 12,16.

30. Гребениченко С.Ф. Факторы и этапы эволюции государственных притязаний к аграрно-промышленной сфере в 1920-е годы // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 1994. С. 63.

31. Вавилов Ю.Я. Государственный кредит: прошлое и настоящее. М., 1992. С. 41.

32. Архив РАН. Ф. 587. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

33. См.: Вопросы труда. 1925. № 10. С. 9; ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 1. Д. 169. Л. 113-114. Хотя есть и другие данные, согласно которым в конце 1926/27 г. размеры явной безработицы определялись в 2-2,1 млн.чел. или 25% от числа наемной рабочей силы в городах. (См.: Бруцкус Б. Указ. соч. № 10. С. 152).

34. Цагадаев Ц.-Д.Д. Политика советского государства в решении проблем безработицы в 20-е годы: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1993. С. 15.

35. Народное хозяйство СССР, 1922-1972. М., 1972. С. 9,35.

36. Милютин В.П. История экономического развития СССР (1917-1927). М.; Л., 1928. С. 13; Ярославский Е. Партия большевиков в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1926-1929). М., 1946. С. 35.

37. См. рецензию И.В. Быстровой на книгу К. Варда «Рабочие хлопковой промышленности России и новая экономическая политика: Цеховая культура и государственная политика. 1921-1929» (Кембридж, 1990) // История СССР. 1992. № 1. С. 214,216.

38. Левин М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 16-17.

39. Подробно вышеуказанная ментальная проблематика рассмотрена в следующих работах: Лившин А.Я., Орлов И.Б. Революция и справедливость: послеоктябрьские «письма во власть» // 1917 год в судьбах России и мира: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 250-269; Они же. «Серп и молот на престоле»: Революция, власть и воля в российском менталитете // Мнемозина: Альманах. Вып.1. М., 1999. С. 117-131.

40. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 30; Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 13.

41. Казаков Е.Э. Политика цен и зарплаты в первые годы индустриализации // Политика в области промышленного освоения Сибири: Межвузов. сб. научн. тр. Новосибирск, 1991. С. 14.

42. Измозик В. Глаза и уши режима // Московские новости. 1994. № 4.

43. См.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. /Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; Письма во власть. 1917 - 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б.Орлов. М., 1998; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Т. 1. 1918-1922. Документы и материалы / Сост. Л. Борисова, В. Данилов, Н. Ивницкий, В. Кондрашин, Т. Голышкина, В. Гусарченко, А. Николаев, Н. Тархова. М., 1998; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 1. Май 1927 - ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999.